

Ли Хэчунь, задыхаясь, семенил за стремительно удаляющейся фигурой императора, спеша вернуться во дворец Цяньюань. Ему чудилось, или чем больше он старался угнаться за спиной императора, тем дальше тот был.

«Всё кончено...» – пронеслось в голове. Казалось, император, обуреваемый яростью, едва сдерживал себя от того, чтобы разнести всё в щепки.

Ли Хэчунь, сохраняя внешнее подобие невозмутимого главного управляющего, нутром ощущал, как горечь разливается по венам. Он был готов собственноручно утопить в отхожем месте всех этих крикливых чиновников, и в особенности достопочтенного Чу Вэньцзина!

Дело наложницы Чжень, подобно гнойной ране, вскрылось, отравляя ядом всё вокруг, и в итоге коснулось даже почившей императрицы. Его перебросили из гарема в залы заседания двора, но ни один храбрец, будь то гражданский чиновник или бравый военный, не осмелился взять на себя эту ношу. И как прикажете это понимать?

Кто бы мог подумать, что спустя два года после этих мрачных событий найдется безумец, готовый вновь ворошить это старое дело?

«Ах, достопочтенный Чу, вы упрямы, как осел, и на миг возомнили себя героем, но таким ничтожным слугам, как мы, не выстоять в этой буре. До чего же вы бесите, аж сердце разрывается от злости!» — кипел Ли Хэчунь, проклиная в душе господина Чу за его нелепую принципиальность, испепеляя взглядом дворцовых служанок и евнухов, дежуривших во дворце Цяньюань.

— Сегодня всем ходить тише воды, ниже травы! Если случится беда, я не смогу вас защитить!
— беззвучно прошептал он, предостерегая подданных.

Миновав извилистые коридоры, Ли Хэчунь достиг, наконец, зала Чэнтянь – главного зала дворца Цяньюань. В сердце заняла тревога, но руки действовали на автомате. Выпроводив всех слуг, он запер двери зала, готовясь принять на себя гнев императора.

Император, облаченный в драконью мантию и увенчанный императорской короной, застыл у драконьего стола. Но ожидаемая сцена разгрома не последовала.

Нахмуренные брови императора не выдавали бушующей в нем бури. Ледяным голосом он произнес два слова:

— Выходи.

Ли Хэчунь, содрогаясь, шагнул вперед:

— Я здесь.

— Не ты, — Император нахмурился еще сильнее. — Ты слышал что-нибудь в Тронном зале? Детский голос.

Ли Хэчунь замер, словно громом пораженный. В Тронном зале вершились государственные дела, так откуда там взяться детскому голосу? Самому младшему принцу уже пятнадцать, и его голос сейчас в постыдном периоде ломки. Это так неприятно, что ни с чем не перепутаешь. Более того, выходка достойного Чу превратила атмосферу двора в ледяную пустыню. Старший принц съежился и боялся пикнуть!

Неужели какой-то принц пробрался в тронный зал и подслушивал? Во всем дворце только девятый принц, купающийся в императорской милости, мог осмелиться на такое, но... Нет, его величество безошибочно узнает голос Сяо Цзю.

Ли Хэчунь очнулся от оцепенения лишь через несколько секунд, голова его была полна противоречивых мыслей. Смущенно покачав головой, он произнес:

- Я стар и плохо слышу, поэтому не услышал голоса ребенка.

Конечно же, только он мог слышать голос ребенка, который кричал на него, требуя показать ему доклад. Император отвел взгляд, не выказав ни малейшего удивления.

Когда он впервые услышал этот голос, то был поглощен гневом. Он решил, что это звон в ушах от ярости. Позже голос повторялся снова и снова, но министры при дворе не выказывали никаких признаков, что слышат его. Тогда он предположил, что только он один мог слышать этот голос. Поспешно покинув двор, он вернулся во дворец Цяньюань. Он хотел наказать Чу Вэньцзина, но еще больше хотел понять природу этого голоса, звучащего в его голове.

В результате внезапно появившийся звук так же внезапно исчез. Император, верящий в призраков и богов, но не поклоняющийся им, тут же усмотрел в этом заговор: кому принадлежит этот детский голос?

Говорят, что если внутренние силы мастера настолько глубоки, что он может передавать тайные звуки прямо в сознание.

«Ты намеренно делаешь так, чтобы только я слышал этот звук. Ты хочешь добиться моего внимания и признания?»

Человек, способный так искусно подделать голос, явно преследует цель, скрываясь под маской ребенка. Единственные дети во дворце – принцы. Чтобы подделать их голоса, нужно время, нужно долгое общение, чтобы в совершенстве скопировать интонации. Рядом с каким принцем находится мастер боевых искусств? Кто за этим стоит? Чего они хотят добиться? Это подстава, или же попытка поколебать трон при помощи сверхъестественных сил?

Император, руководствуясь железной логикой, заподозрил принцев и стоящие за ними влиятельные семейства, сузив круг подозреваемых до тех, чей возраст соответствовал голосу.

Двенадцатилетние автоматически выбывают, как и те, кому меньше пяти лет. Остаются дети от пяти до девяти лет.

Голос Сяо Цзю слишком хорошо ему знаком, это не он.

У Сяо Лю небольшое заикание, тоже не он.

Сяо У тих, замкнут и неразговорчив – вполне возможно.

Сяо Ба... Он почти не помнит его.

И... Сяо Ци, сын супруги Чжень, которого он не видел уже два года. Его лицо стерлось из памяти, что уж говорить о голосе.

Ли Хэчунь украдкой наблюдал за императором, который стоял, нахмурившись, перед драконьим столом. О чём он думает? И вдруг, словно очнувшись, он спросил:

- Что в последнее время делает Сяо Ци?

Почему император вдруг вспомнил о седьмом принце? Неужели дело супруги Чжень... Ли Хэчунь похолодел и мысленно зажёл свечу за упокой душ своих коллег.

Будучи главным евнухом при императоре, Ли Хэчунь обладал невероятной проницательностью. Все новости, будь то внутри дворца или за его пределами, проходили через его уши. Он знал всё, что нужно было знать, и даже то, чего знать не следовало, иначе наложницы и чиновники двора не осыпали бы его золотом.

Он был посвящен во все грязные тайны дворца, но, зная, что император не желает их слышать, благоразумно молчал. Но теперь, когда император задал прямой вопрос, он не мог утаить правду.

Независимо от того, будет пересмотрено дело супруги Чжень или нет, многих во дворце ждет неминуемая расплата, а статус седьмого принца непременно изменится. В конце концов, он принц.

Ли Хэчунь поспешно скрыл смятение, собрался с мыслями, опустил голову и, подобострастно глядя на императора снизу вверх, начал свой доклад.

И этот вечер в зале Чэнтянь стол императора не избежал своей предначертанной участи.

Во дворце Цынин Лу Бинчжу уже вернулся, но великая вдовствующая императрица только задремала. Пробудившись, она приняла двух наложниц, что, словно исполощенные птицы, прилетели узнать последние новости, ведь утреннее заседание двора тянулось утомительно долго.

Когда последние шелестящие подола скрылись за дверями, завтрак, принесенный Лу Бинчжу, вновь разогрели, превратив его в поздний обед.

К счастью, великая вдовствующая императрица, воспитанная в духе бережливости, не отличалась прихотливостью. Она взяла палочки, и Су-момо, обычно исполнявшая роль услужливой тени, почтительно отошла в сторону. Лу Бинчжу тут же подал ей изысканные блюда.

Старый Нин гогун был военачальником у истоков государства, а великая вдовствующая императрица еще девочкой была обручена с императором- основателем династии. Годы оставили свой отпечаток, и сложные церемонии, тягостные правила ей стали в тягость. Разговоры за едой и сном перестали быть крамольным нарушением этикета.

Она коснулась губами двух кусочков и лениво бросила:

— Наказал людей на императорской кухне? Что там стряслось?

— Ничто не укроется от вашего пронизательного взгляда. Дело в седьмом принце, — Лу Бинчжу вновь пересказал историю, закончив: — Он не пользуется благосклонностью императора. Уже и возраст подошел, а в школу принцев его все не назначают. Естественно, слуги смотрят на него свысока.

Бабушка-императрица приподняла тонкие брови, и в уголках губ промелькнула тень улыбки:

— Он тебе настолько приглянулся, что ты явился ко мне просить за него?

— Он носит браслет из дерева кровавого дракона, принадлежавший его матери. Полагаю, он тоскует по ней. — Лу Бинчжу, знаток придворных интриг, умело рисовал образ седьмого принца в выгодном свете.

Императрица, покойная супруга первого императора, была единственной дочерью брата

вдовствующей императрицы, старого Нин гогун. Он души в ней не чаял и не хотел отдавать дочь во дворец, чтобы она стала императрицей. Именно вдовствующая императрица настояла на этом браке, но финал оказался настолько трагичен, что старый гогун был сломлен горем и вскоре скончался.

Его смерть навеки осталась незаживающей раной в сердце великой вдовствующей императрицы. Она надеялась, что любовь между нынешним императором и императрицей Сяо Цзинъи исцелит эту боль, но внезапная кончина императрицы лишь углубила ее, сделав еще мучительнее.

Обе дочери рода Нин умерли в возрасте девятнадцати лет. Великая вдовствующая императрица втайне издала указ, гласящий, что «дочерям семьи Нинго больше не будет места во дворце», но нынешний гогун, притворившись покорным, тайком ослушался. Спустя несколько лет он прислал во дворец «двоюродную сестру», поразительно похожую на покойную императрицу.

Великая вдовствующая императрица, разгневанная дерзостью дома Нинго, невзлюбила благородную супругу Жун и ее троих внуков, словно напоминая всем о своей нестихающей боли.

Император, питая нежные чувства к императрице Сяо Цзинъи, держал дворец Вэйян закрытым на долгие годы, не назначая новую императрицу, демонстрируя тем самым свою преданность и любовь, возможно, пытаясь утешить великую вдовствующую императрицу.

Иначе как бы могла находиться во дворце благородная супруга Жун, само присутствие которой было дерзким вызовом?

Великая вдовствующая императрица была не только женщиной, но и опытным политиком. Более того, император сам был ее учеником. Она прекрасно понимала истинный смысл всех этих поступков, но лишь подыгрывала, не раскрывая карт.

Чем яснее видишь все, тем острее ощущаешь горечь утрат.

—...Хорошо, когда дети помнят своих матерей. Мне нравятся такие дети.

И спокойствие в глазах бабушки-императрицы нарушилось, словно легкая рябь пробежала по глади озера.

— Я достигла того возраста, когда пора наслаждаться покоем. Пусть император сам решает дела, касающиеся учебы принцев.

В ее словах сквозило безразличие к судьбе седьмого принца.

— Но в семь лет ему действительно пора начинать учиться. Найди ему достойного учителя. Цуй Пэнфэй, кажется, был бы неплохим выбором.

Цуй Пэнфэй был одним из трех министров, которых император-основатель оставил в помощь своему сыну, пройдя путь от простого чиновника до первого министра. Видя, как вдовствующая императрица одного за другим удаляет из двора этих чиновников высокого ранга и постепенно сосредоточивает власть в своих руках, министр Цуй благоразумно подал прошение об отставке. В итоге они с императором разыграли упразднение премьер-министра, чтобы создать кабинет министров, а затем он с почетом удалился от дел, сохранив свою семью.

Великая вдовствующая императрица добавила:

— Внук Цуй Пэнфэя – лучший ученик в Цзяннани, верно? Он собирается сдавать императорские экзамены в марте следующего года, так что ему не составит труда остаться в Императорской академии. Цуй Пэнфэй возвращается в столицу со своим внуком, и, скорее всего, уже не покинет столицу. Надо найти ему какое-нибудь занятие, чтобы он не совершал зла на старости лет.

После отставки Цуй Пэнфэй посвятил себя природе, путешествуя по горам, рекам, озерам и морям. Он также написал несколько книг о своих приключениях, которые пользовались большой популярностью.

А вернется ли Цуй Пэнфэй, который теперь так свободен, в столицу со своим внуком или нет... это не имело значения. Даже если это не так, то скоро это произойдет.

Министр Цуй всегда умел чувствовать направление ветра.

Сюэ Цзинань и не подозревал, что во дворце Цяньюань есть мастер по очистке рабочего стола, собирающийся очистить дворец от неиспользуемых голов. И что бабушка-императрица из дворца Цынин уже присмотрела ему учителя. В тот момент все его внимание было сосредоточено на подзарядке «батареи» – еде.

Но даже полностью зарядившись, он чувствовал непреодолимое желание отключиться. Проклятая привычка засыпать после плотного обеда вновь овладела им, веки предательски затрепетали, и он провалился в сон до следующего дня. Сяо Луцзы уже вернулся с завтраком, а будильник, поставленный Сюэ Цзинанем, так и не смог пробиться сквозь пелену сна.

«Что-то не так», — подумал Сюэ Цзинань, подозревая системную ошибку в своем организме. Он серьезно запустил программу мониторинга здоровья и внимательно изучил данные.

Результаты оказались поразительными: показатели были даже немного лучше, чем в прошлый раз, а «здоровье батареи» увеличилось на целых 0,1%!

Неужели человеческое тело способно к самовосстановлению без посторонней помощи, просто благодаря еде и сну?! Невероятно! Это же огромная экономия на запчастях! Он уже готовился заменить «батарею», а затем и другие компоненты тела, ориентируясь на ее состояние. Но, побыв человеком всего несколько дней, он впервые ощутил, что это не так уж и плохо.

Правда, скорость восстановления «аккумулятора» оставляла желать лучшего, так что замена все равно неизбежна. Преисполнившись решимости, Сюэ Цзинань принялся изучать окрестности дворца через прямую трансляцию, выискивая подходящее место для тайной установки новой «батареи».

Два дня спустя, утром, четвертый принц, несколько раз с трудом поднимавшийся по утрам после нотаций наставника Цэня, вновь оправдал всеобщие ожидания и проспал. Сегодня у другого учителя был продолжительный отпуск, и, к несчастью для принца, его заменил учитель Цэнь.

— Столько людей звали, но вы не смогли разбудить меня! Бесполезные, совершенно бесполезные! — в отчаянии и ярости выкрикнул четвертый принц, вылетая из своих покоев. Он несся так быстро, что за ним тянулся лишь шлейф размытых очертаний, и в мгновение ока оставил Шуньдэ, несущего книги, далеко позади.

Уже почти добежав до двери учебного кабинета, он вдруг ощутил, как чьи-то руки высунулись из-за угла, зажали ему рот и затащили внутрь.

Вскоре мимо пробежал Шуньдэ, преследовавший четвертого принца, и не заметил ничего необычного.